

Бог стал Человеком, чтобы
Человек стал Богом.

*Афанасий Александрийский
Великий*

ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ГОТИКА, ИЛИ ХРАМ ШИРЕ НЕБЕС (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Время идет быстрее нас. Это аксиома... Сидел за компьютером, работал над зачином книги о храме, Доме Божиим, — какой амбициозный проект! — и тут все мои творческие замыслы в одно мгновение пошли прахом. По телевизору — сразу по многочисленным новостным каналам — принялись показывать пожар в Соборе Парижской Богоматери. Оседала и превращалась в пепел старинная крыша исторического храма; медленно, словно раненый гигант, заваливался, съедаемый пламенем, знаменитый на всю Вселенную дубовый — из крепкого, как камень, мореного дуба — шпиль, который искусные зодчие по старым чертежам восстановили на свинцовых балках в XIX веке; огненные языки, коронованные искрами, столбом взвились над Сеной к весеннему небу...

Величественный собор, первый камень которого был заложен еще императором Карлом Великим, главный парижский храм, веками возводившийся стараниями поколений французов, был едва ли не уничтожен всего за неполных восемь часов. И — где? В сердце западной цивилизации, в столице одной из наиболее раз-

витых христианских стран! И — когда? В XXI столетии — ядерном, космическом, компьютерном, цифровом... Никакие, даже самые совершенные, научно-инженерные достижения цивилизации не смогли людям в сжатые сроки погасить огонь, обуздать стихию.

Знак... Как написал сразу после трагедии на острове Сите американский журналист Дэннис Прейджер: «Символизм пожара в Нотр-Дам, самом прославленном здании западной цивилизации, исконном символе западного христианства, трудно не увидеть. Словно сам Бог захотел предостеречь нас самым верным способом, что западное христианство горит — а с ним и западная цивилизация». Другой американский публицист, Род Дреер, был еще конкретнее: «Сегодняшняя катастрофа в Париже есть знак для всех христиан... Это знак того, что мы теряем и чего мы не вернем, если сейчас же не сменим курс».

Вряд ли носители так называемых «либеральных ценностей» по обе стороны Атлантики сменят взятый ими курс на размыв традиционных, христианских, истин. Вот и получается, что человек создает искусственное сердце, запускает межпланетные корабли к Марсу, прокладывает в недрах Земли Большой адронный коллайдер, управляющий элементарными частицами на встречных пучках, а с городским пожаром совладать никак не в состоянии.

Случайность, халатность, пресловутый человеческий фактор или поджог — ведь, как стало известно французским журналистам, в столичной мэрии уже несколько лет ведущими парижскими застройщиками лоббируется мегапроект, по которому весь остров Сите должен превратиться в огромный развлекательный центр, главным украшением которого станет Нотр-Дам с новым стеклянным куполом в стиле атриум-модерн?.. Или это извечное проклятие, метки которого в разных частях храма обнаруживал еще Виктор Гюго, когда писал гениальный роман «Собор Парижской Богоматери»?.. Вряд ли стопроцентно точный ответ на эти закономерные, вполне логичные вопросы даст в ближайшее время, да и вообще когда-либо, неспешная французская Фемида. Впрочем, это не наша забота. Ибо дело тут не в разрешении на галльский фасон фатального российского вопроса: «Кто виноват?», — а совсем в ином. Тем паче, что, как сказал главный архитектор Националь-

ных памятников Франции Реми Фромон: «Пожар не мог начаться с какого-то элемента, бывшего в наличии. Необходима реальная тепловая нагрузка, чтобы запустить такое бедствие».

«Рукописи не горят», — утверждал замечательный русский писатель. Он, я убежден, наивно заблуждался: и рукописи горят, и — вообще — все сущее в мире способно буквально за мгновения исчезнуть в пламени. Знаю по собственному несчастному опыту. Не зря говаривали алхимики в эпоху Средневековья: «*Ignе natura renovatur integra*» — «*Вся природа обновляется огнем*». Увы, это горькая правда... Больно подобное осознать, но приходится. И вдвойне больно, когда огонь — словно адское пламя! — пожирает не банальные обитатели человечья, а превращает в пепел высокие дома Божии. Мне кажется, что в нападении огня на церкви кроется — как бы это сказать понятнее? — ну, словно какой-то особый, дьявольский цинизм... Ведь храмы Божии располагаются на Земле, а их истинный Хозяин — в горних высях, на Небе. Недостижимо и непостижимо далеко! Велика Небесная защита, но вряд ли знает об этом дикая стихия. Люди, впрочем, догадываются, но жажда легкой наживы порой так велика, что смертные забывают о наказании Божиим за их грязные деяния если не в этой жизни, то в будущей — наверняка.

И не случайно пожар в Нотр-Дам — вовсе не единичный случай. В разных частях света храмы горят с угнетающей регулярностью, только широкой публике об этом ни власти, ни СМИ предпочитают особо не сообщать или делают это вполголоса, весьма стыдливо. За примерами далеко ходить не надо. Возьмем, скажем, Россию. В «Отечестве нашем свободном» гибнут от пожаров и православные церкви, включая старообрядческие, и католические соборы... По самым заниженным подсчетам, с 2012 года на протяжении шести лет в России сгорело — порой дотла, под самый «корень» — около пятнадцати храмов, многие из них были уникальными памятниками культуры. Это и Успенская церковь в Иванове, и Никольская церковь в Московской области, и Преображенская церковь в рязанских Спас-Клепиках, в которую когда-то ходил маленький Сергей Есенин, и костел Антуана Падуанского в Томской области, и знаменитая Успенская церковь в карельской Кондопоге...

Гибельный список — причем мировой — можно, к сожалению, продолжить. В феврале 2019 года вандалы осквернили и разбили кресты и статуи в соборе Святого Алена в Лаворе во Франции, изуродовали руки на статуе Христа и сожгли алтарные облачения. В Париже вскоре после воскресной мессы был подожжен величественный храм Сен-Сюльпис — собор Святого Сульпиция. В Ниме вандалы разграбили церковь Нотр-Дам-дез-Анфан, выбросив гостию (евхаристический хлеб, олицетворяющий жертву Христа. — *К. П.*) в мусор и намалевав фекалиями крест...

И проклятие это — не небесное, а земное! — вездесуще и беспощадно. Во Франции в среднем оскверняется по две церкви каждый день. По данным немецкого новостного сайта PI-News, в 2018 году в Пятой республике было зарегистрировано 1063 нападения на церкви или христианские символы (распятия, иконы или статуи). Это на 17 процентов больше, чем в предыдущем году, когда было зарегистрировано 878 нападений. Про погромы на христианских и иудейских кладбищах и провокации в синагогах я уже не говорю...

И это происходит в Европе повсеместно на фоне резкого сокращения церквей и уменьшения числа верующих христиан: горят не только Божии храмы, но и души людей — особенно молодых — превращаются в прах. После пожара в Нотр-Дам реальностью становятся строки из пророческих катрен Мишеля Нострадамуса: «Настоящее пламя поглотит даму... Снова будут святые храмы осквернены...» Да, тут впору вспомнить жуткое витийство Фридриха Ницше: «Бога нет, Бог умер!»

Впрочем, судите сами. Не знаю почему, но мы порой как-то небрежно и недоверчиво относимся к статистике, а она — увы! — говорит сама за себя.

Заметки на полях

Парижская газета «Фигаро» цитирует американского теолога Уильяма Кавано: «Посягательство на один храм — это посягательство на всю Церковь». Может быть, сбавтывает давно подмеченное Фридрихом Ницше бытующее в широких массах отношение к христианину как к воплощению слабости? Или «виноват» во всем Иисус, который, вовсе не претендуя на будущую мировую религию, не побоялся признать себя символом глобальных человеческих противоречий? Как получилось, что

во многих странах, прежде всего — в европейских, христиане сейчас, как и в древности, опять в дискриминируемом меньшинстве... На все эти вопросы нынешние реалии дают далеко не самый утешительный ответ. Личная свобода и любовь к ближнему своему — вот неизбывная суть послания Христа, но слышат ли его наши современники?

5000 храмов во Франции, если верить парижской «Фигаро», пребывают сегодня в катастрофическом состоянии: своды их протекают, фундаменты проседают, о противопожарном состоянии этих церквей и говорить не стоит... В Лондоне начиная с 2001 года закрылось около 500 церквей разных христианских конфессий, они были превращены в частные дома и общественные здания...

Аналогичная ситуация давно наблюдается и в Германии, где, по информации еженедельного издания «Шпигель», только у Евангелической церкви Германии с 1990 по 2010 год было закрыто 340 церквей (46 из них разрушено), они переделаны в здания разного назначения — от культурных центров до спортивных залов, часть из них превращена в мечети. Согласно сведениям американской деловой газеты «Уолл Стрит Джорнэл» здания Католической церкви в Германии также закрываются и продаются — за последнее десятилетие было закрыто 515 церквей.

Самое же катастрофическое положение из всех европейских государств наблюдается в Чехии. Число прихожан всего за десять лет упало здесь почти в два раза: с 41 до 27 процентов. На сайте только одной чешской католической епархии продается более 50 храмов. Самый дорогой из лотов, старинный монастырь с участком земли в 2,5 тысячи гектаров, стоит всего 120 тысяч долларов.

Горько и больно. Ведь каждый храм — это истинная, порой уникальная, святыня. Как утверждал Святитель Иоанн Златоуст: «Храм есть жилище Бога. Здесь обитают любовь и мир, вера и целомудрие». Тем более что «культура возведения храмов — особая, выделяемая как таковая в любом обществе и имеющая особую традицию, предпосланную, и потому, можно сказать, врожденную, короче, где есть человек, там со всей необходимостью появляются и храмы. Порой среди них, уже существующих, появляются и святилища новых верований, и выбор других мест для еще неведомых ритуалов, поклонений и медитаций, и попытки приспособления старых»¹.

¹ Турчин В. Храмовое сознание в ситуации риска. Массонская традиция XVIII–XX веков // Храм земной и небесный: сб. Т. 1. М.: Прогресс-традиция, 2004. С. 383–384.

Этот фрагмент из научной монографии, изданной в начале миллениума, напомнил мне мое открытие для себя Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. В известной московской газете, в которой я в ту пору работал, в материале о необходимости сохранять память о предках я упомянул мормонов, старательно, в мировом масштабе ведущих поиски их родословной. Не прошло и нескольких дней после публикации, как в редакции раздался звонок: представитель Церкви предлагал встретиться... Мы познакомились. Я открыл для себя интереснейших людей. Так немало лет назад родился мой интерес к адептам «истинного Евангелия» — так называют себя мормоны. Люди, строящие во всем мире во имя Иисуса Христа «табернакли» — прекрасные, величественные храмы. Тогда-то я, давно пишущий на религиозные темы, и заинтересовался учением пророка Джозефа Смита, создателя Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.

Говоря о храме первых апостолов, он учил, что храм — это место, где Бог может «открывать Своему народу таинства Своего дома и слова Своего Царства и указать людям путь спасения». Именно поэтому для истинных христиан нет дела важнее, чем сохранение старых храмов и строительство новых. И еще от основателя Церкви Иисуса Христа Святых последних дней: «Храм — это место святости, где мы получаем величайшие благословения, уготованные Богом для Своих детей».

Проникнув в суть этих слов, я начал работать над книгой о Храме. О Доме Божиим, визионерское пространство которого прекрасно описал в своей «Истории зодчества» замечательный немецкий исследователь и писатель Франц Куглер: «Воистину оно сравнимо с откровением некоей тайны, которая захватывает чувства, увлекает за собой души и заставляет забывать о тех художественных средствах, что использованы для достижения такого чуда». При всем моем восхищении вчерашним и сегодняшним храмовым зодчеством мормонов замечу: чуда, к счастью, свойственного на нашей планете не только членам Церкви Иисуса Христа Святых последних дней...

Храмы — великая каменная книга человечества, отражение его сути и существа — как физического, так и духовного — на всех

стадиях развития общества. Память всех поколений начиная от самой глубокой древности запечатлена в камне, который превратился в памятник. На протяжении почти семи тысячелетий сакральное зодчество являлось главной летописью человечества и, пожалуй, основной формой его творчества.

Создатели храмов были первыми ваятелями былых времен: они объединяли в себе зодчего и резчика по камню и дереву, скульптора и живописца, сборщика витражей и знатока световых и звуковых эффектов... Поэты и философы торжествующе становились каменщиками, и все свои знания, все вдохновение, весь полет мысли и фантазии воплощали в величественной оправе храма. В его громаде, овладевавшей целыми эпохами, пронзавшей плотные пласты времен, созидатели увековечивали каждую смелую религиозную идею, философскую или идеологическую находку — как послание грядущим поколениям. Как надежное, долговечное обращение в будущее: здание собора или церкви — не хрупкая бутылка с призывом «SOS», брошенная терпящими бедствие мореходами от отчаяния в океан, не ветхая инкунабула, безнадежно тлеющая в холодном монастырском книгохранилище; «месседж» в камне — это на немереные века, это — намеренный бросок в космос.

Нам же, изощренным в интернете и смартфонах детям и внукам компьютерной эры, остается только научиться читать это завещание предков, начать разбираться в исполинском алфавите колонн и закомар, колоколен и алтарей... В конце концов, Библия каменная ничуть не проще иной Библии, скрижальной. Не говоря уже о том, что храмы — немые свидетели нашей истории. Как гласит извечная мудрость народов Великой Степи: «Пока не будет воздаяния духам мертвых, живым не будет процветания».

Кстати, о столь дорогом для нас слове «храм». Оно досталось нам из церковнославянского языка. В Древней Руси «хоромом» или «хоромами» обозначали дом, деревянное строение. Такое же слово существует и во многих других, помимо русского, славянских языках: болгарском и сербско-хорватском, чешском и словацком...

Со временем «храмом» наши предки стали называть здания, посвященные Богу, предназначенные для богослужений. Еще

храмы называют «церквами»: верующие, собирающиеся здесь на молитву, составляют Церковь. Иначе говоря — собрание, общество. «Бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устроитесь в жилище Божие Духом». (Еф. 2. 20.)

Храм это самое прочное — на все времена! — воплощение нашей любви к Богу. Не к «чему-то», а к «кому-то». К конкретному Богу, который живет в каждом человеке. Другое дело, что кто-то этого «соседства» по тем или иным причинам попросту не замечает или — что страшнее! — не хочет замечать. Надеюсь, пока что не замечает... Ибо в храме невидимо присутствует Господь и принимает наши молитвы: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них». (Мф. 18, 20.)

Да, храм дуалистичен: он материален и сакрален одновременно. Он, построенный земными мастерами, священен, ибо осуществляет непосредственную связь человека с Богом, отражает Царство небесное, является местом встречи человека с Небесным Отцом. Есть такие храмы — и я их знал и видел, я в них переживал и молился! — где эта связь для паствы устанавливается практически автоматически. Ибо пространство храма преисполнено Божественной энергией, той самой аурой, которую не может не ощутить истинно верующий в Бога человек.

Чудо? Миракль? Энигма?.. Не без того, сознаюсь. Но есть и более земные объяснения. Еще мудрецы Древнего мира говорили об иллюзорности осязаемой статичности нашего земного мира. Мертвости, неподвижности в нем нет и в помине. Все, окружающее нас, пребывает в вибрации, в движении. И каждая вещь вибрирует на своей определенной частоте, выделяет соответствующую этому предмету энергию. Получается, что все параметры видимого нами мира — цвета, размеры, формы, фактуры и т. д. — определяются нами в зависимости от алгоритмов энергий, которые мы «ловим» в пространстве, «принимаем» из него. И прежде всего — в пространстве храма. Надо только уметь это ощущать, приближая «эгрегор» — сгусток позитивных эмоций, близких к абсолютному наслаждению.

Храмостроители прошлого знали об этом. Более того: они куда лучше нас умели использовать законы «тонкой» энергии, видя в них незримое присутствие Бога. Недаром в Средневековье статус мастеров-архитекторов был выше, чем у священнослужителей...

А сейчас — о храмах. Точнее, о тех из них, чья архитектура помогает достичь единства человека с Божественной энергией. Концепция этих соборов, их расположение, конструкция, пропорции позволили храмам превратиться в своеобразных проводников небесной энергетики, непосредственно связать горные выси с грешной землей. Сакральные геометрические формы стали инструментом в поиске всеобщего языка общения с Богом... Интересно и другое: энергетический поток в храмах действует и в обратную сторону — наши земные молитвы возносятся к Богу. Как говорил Лорензо Сноу, один из президентов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней: «Бог открыл нашему зрению удивительные и великие перспективы. Разумом их просто не постичь. Приходите в храмы, и вы увидите».

Впрочем, развитие сознания невозможно без открытого нарастания сердца. Как тут не вспомнить слова нидерландца Виссер`та Хуфта, видного деятеля экуменического движения, первого секретаря Всемирного Совета Церквей, возникшего на волне антифашистской эйфории после Второй мировой войны! Он сказал, что все люди обязаны помнить: можно быть еретиком не только потому, что ты проповедуешь ложное учение, но и потому, что, проповедуя истинное учение, ты не живешь им. Стоит задуматься над этим, не правда ли? Ведь храм и является тем самым оселком, на котором и в котором проверяется искренность Веры у человека. И — ее истинность.

Как писал австрийский философ и религиовед Рудольф Штейнер:

«Не тот осуществляет внутренний закон, кто готовит строительный план, а тот, кто, исходя из внутреннего импульса, строит Храм, так что и душа переходит в соединение строительных камней. Не тот живет во внутреннем законе, кто лишь следует государственным законам, а тот, для кого они являются импульс-

сами его жизни, так как они срослись с его душой. Не тот является нравственным человеком, кто следует нравственным законам из страха или ради вознаграждения, а тот, кто им следует потому, что любит их»¹.

Заметки на полях

«Я был во многих храмах: Хельсинки, Стокгольм, Фрайберг, Копенгаген, Киев... — рассказывает о своем восприятии мормонских храмов член Церкви Иисуса Христа Святых последних дней Федор Круль. — Последний раз был на Днях открытых дверей храма в Риме. Как только переступаешь порог храма, как только его врата открываются, ты чувствуешь, как на тебя накатывает! Что-то сразу фундаментально меняется. Ощущаешь присутствие Духа. Стремительно. Как в море проваливаешься!.. Я могу быть не всегда готов к храмовой работе, могу быть суетен — мысли мои могут быть привязаны к разным мирским вещам... Но храм настраивает тебя на созерцание мира вокруг. Захожу в храм с расстановкой, неспеша... Если бы не было такого чувства, и Церкви не было бы.

Мормонский храм учит. Такова миссия и других храмов, в иных культурах и в иных ритуалах — не зря православная икона как таковая изначально была задумана как учебное пособие... Принципиальное значение имеет время пребывания человека в храме. Все заключается в силе воздействия храма на человека. Когда мормоны едут служить в храм, то это — как правило — пять дней (большего, наверное, и не надо). Мы с раннего утра приходим в храм и проводим там весь “рабочий день”. Продолжительное нахождение в храме меняет людей. Они светятся... Когда я возвращаюсь домой, уезжая из храма, чувствую, что еду... в командировку! Ведь мой дом остался там, где я только что был. Все мирское — квартира, работа, дача — это временное. Я этим просто пользуюсь, но это не мой дом. Мой истинный дом — с Богом. В храме.

Первое посещение храма для всех самое яркое. В Финляндии — в Леповаре, под Хельсинки — у меня было ощущение, что у храма нет потолка: глазами не видно, но небо при этом открыто... И переживание в храме у каждого абсолютно индивидуальное, двух одинаковых не найти. У любого в храме в той или иной форме происходит общение с Тем миром. С Небесным.

Посещение храма воспитывает подчеркнутое благоговение к нему. Храм учит любви, ибо нахождение в нем — это совместная работа в ат-

¹ Штейнер Рудольф. Золотая легенда и легенда о храме. М.: Новалис, 2006. С. 164.

мосфере любви. Когда меня просят быть храмовым служителем, я прихожу в храм спозаранку и досконально знаю, что и как стану делать. Нахожусь в полном покое. Приходит старший смены, сообщает, что мы будем делать, но я — все такой же “сосуд” в состоянии покоя. Знаю: куда бы мы ни пошли, это будет правильно, это будет угодно Богу. Суета храма не касается.

Года два с половиной подряд я ездил в Стокгольм, чтобы работать в храме. Это был большой опыт. Насколько все отлажено — и ничего лишнего! Насколько, казалось бы, простые вещи доведены до совершенства и сделаны максимально точно. И это не приказная воля какого-то одного человека, это Божия воля. А если Бог вам объясняет фундаментальные вещи в доктрине, зачем вам просить большего?»

Служение в мормонских храмах имеет свои временные лимиты: духовные труды во славу Божию, во благо Братьев и Сестер требуют столько стараний, что никак не могут быть ритуально постоянными. «Священный трепет», который испытывают при соприкосновении с храмовыми реалиями последователи Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, настолько искренен, что сокровенный «барометр», существующий в сердце каждого верующего человека, просто-напросто зашкаливает... Ограниченность храмовых работ во времени и делает их максимально значимыми. Особенно тогда, когда знаешь, какой ценой были воздвигнуты эти величественные храмы. Вот как писал об этом Джордж Альберт Смит, президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в 40-е годы прошлого столетия:

«Когда мы осознали, что здание было возведено людьми, живущими в крайней нищете, что отважные мужи трудились целыми днями, закладывая основание и создавая стены постройки, а затем ночью стояли с оружием в руках, защищая ее от тех, кто клялся, что она никогда не будет завершена, нами овладело такое чувство: вовсе не удивительно, что Господь принял их приношение и благословил их так, как были благословлены лишь немногие из живущих на Земле».

Обратите внимание: сакральность христианских храмов, где «Силы Небесные с нами невидимо служат», настолько высока, что они абсолютно не пригодны для организации в них земного жилища. Так было, так есть и так будет. В монастырях, православ-

ных и католических, культовое сооружение всегда расположено в стороне от келий и трапезной, рядом, но при этом — несколько в стороне... И на культовой территории при мормонских храмах непосредственно собор построен на некотором расстоянии от гостевых и других помещений... Это закономерно и естественно. И поэтому вдвойне, куда там — тройне кощунственно выглядело варварство большевиков, нацистов, фанатиков-исламистов и иже с ними, превращавших храмы в тюрьмы, кинотеатры, дровяные склады или скотные дворы.

Есть любопытное суждение, с которым можно соглашаться или нет, без разницы, но в нем скрывается своя истина. Суть его в том, что в отличие от «городских» сооружений — назовем их так! — храмы, даже самые смелые и неожиданные в своей конструкции, редко остаются в памяти народной как произведения индивидуумов: более-менее гениальных архитекторов, инженеров-конструкторов, художников и др. Нет... Храм становится истинным и совершенным только после того, как паства начинает воспринимать его как творение коллективное. Люди, как говорится, ногами решают, стал ли тот или иной храм для них Божиим Домом. Вспомните удивительно точное выражение: «мольный храм», то есть церковь, намоленная многими тысячами верующих, пронизанная их сердечным теплом.

В храме посетители его не присутствуют дежурно, не исполняют роли безучастных и отстраненных от происходящего статистов, в нем живут, а значит — духовно трудятся. Во все времена у людей существовало особое, уважительно трепетное отношение к святыням. Именно храм освобождает человека от мусора повседневности, связывает людей с живыми силами природы, придавая общению с Богом очень личный, даже сказал бы, интимный характер.

Образуется, таким образом, удивительная дихотомия. С одной стороны, высокая, религиозная отстраненность, позволяющая почувствовать свободу от ограничений места и времени, блаженное погружение в символы. С другой — выполнение функциональной нагрузки, конкретная работа, без которой и говорить невозможно о попытке прикосновения к Богу. Вся обстановка

в храме благоприятствует выполнению такой двойственной задачи. И, пытаясь решить ее — порой, бывает, не всегда удачно, — нельзя ни в чем разочаровываться: еще Святой Августин поучал, что в храм приходят вовсе не для быстрого и легкого открытия истины. Божию правду надо искать с упорством и рвением, зная при том, что все равно полностью получить откровение совершенно невозможно. Как писал Святой Павел в «Послании к евреям», Вера — это уверенность в невидимом. Ибо Бог — «не от мира сего». И как говорится в Книге Мормона: «Вера включает надежду на то, что нельзя увидеть, но что истинно».

«Неотмирность» Бога выражается и в самом «формате» храма — дворца Царя Небесного, отличного от жилых и иных сооружений земного назначения. Храм — это тайна, едва приоткрываемая — не для всех, а только для некоторых, посвященных, допущенных к сокровенному знанию людей. Священное Писание и Церковное Предание лишь частично являются путеводителями этого Божественного путешествия, пройти же непростым, полным терний маршрутом к храму, а затем и непосредственно в храме каждый все равно должен сам. При помощи наставников, старших, но все равно — только сам. Путь этот долгий, но такой заманчивый...

Бог, которому посвящаются храмы, в восприятии тех, кто их строит и в них свершает обряды (молится, в конце концов, хотя делать это можно, как учат патриархи всех авраамических религий, где угодно, не только в храмах), весьма конкретен. Он «вящ», как говорили наши предки. Только в храме Бог — и это мы чувствуем — более доступен нам для духовного, точнее — душевного диалога. Простой ли он, этот диалог? Да, конечно: ведь Бог мудр и всепрощающ, он одинаково любит всех и каждого. Торжественен ли этот сокровенный диалог? Безусловно, как любой истинно высокий и прочувствованный ритуал. И бесполезно искать в нем каких-либо Божиих доказательств, тех самых, о которых нередко говорят атеисты. Как учил лютеранский пастор и христианский мученик нацизма Дитрих Бонхёффер: «Бог, который позволил бы нам удостовериться в его существовании, был бы не Богом, а идиолом».

Ритуал — это тоже диалог, но только с Божией подсказкой, которую необходимо пережить и прочувственно прожить. К такой «шпаргалке» требуется быть готовым. Как? Другой вопрос... Ответ на него каждый ищет своими силами, собственным умом. Подсказку Божию надо уметь чувствовать и осознавать. Я не уверен, что каждый или каждая в состоянии этому легко научиться. Когда-то давным-давно мне поведали любопытную и на редкость точную параболу из «натурального» мира: «Головастику, чтобы почувствовать себя лягушкой, надо просто ею стать...» А «стать» и «быть» — это далеко не одно и то же.

Заметки на полях

«Я родился в мусульманской среде, но мои родители и все мои предки были христианами, только не практикующими, — рассказывает Алексей Самайкин, президент Централизованной религиозной организации “Религиозная Ассоциация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в России”. — Я не был религиозным человеком, хотя произошли события, которые подтолкнули меня на встречу с Богом. Я молился, искал... Это был стихийный порыв души в адрес моего Создателя, тогда я не понимал, кто Он и каково Его естество. Решающим фактором стало знакомство с учением мормонской Церкви. Бог послал мне наставника: я был тогда студентом, а мормоном оказался мой преподаватель. Дело было в России. После небольшого диалога на религиозные темы мой преподаватель пригласил меня на богослужение.

Я решил пойти посмотреть... Мне сказали: “Не полагайся на то, что мы тебе говорим. Сам обратись к Богу и узнай у него: правда ли то, что я от них получил...” То есть мне предложили получить от Бога личное откровение. Казалось бы, широкая программа! Однако я так и сделал: выбрал укромное место, помолился, как тогда умел, и задал свой вопрос Небесному Отцу так, как Я тогда понимал. И в течение нескольких дней — прошу поверить! — я получил то, что сейчас бы назвал “откровениями”. Тот факт, что я почувствовал диалог с Богом — он со мной разговаривает, он существует! — был совершенно новым в моей жизни. И это явилось не выражением какого-то культа, а — двусторонним общением».

«У Бога нет религии», — учил Махатма Ганди. Ритуал — лишь внешнее обличье Веры, даже не каркас Ее. С древних времен ритуал сопряжен с эзотерикой, ибо он — совокупность не фи-

зических, механистических фактов, а знаний духовных, тонких, природу которых мы не понимаем до конца и вряд ли когда-либо поймем (этого, наверное, и не нужно?). Следовательно — знаний, сопряженных с символами. На вопрос: «Что в храме есть символ?» — мы, не боясь впасть в односложность, уверенно отвечаем: «Все». Символика не украшает храмы, она в них живет. Если в обыденной, «городской» жизни мы чаще всего не обращаем внимания на окружающие нас символы, то в жизни духовной каждый из нас становится похожим на психолога-менталиста. Тот, как известно, читает скрытые знаки по мимике и жестам людей. И делает это без усталости.

Божии храмы в их святости — это концентрированное, можно сказать, экзальтированное искусство. Ведь во все эпохи их строителями были не просто те, кто обладал изощренными техническими знаниями, а те, кто в своем созидании были ведомы высшей силой. Яркое свидетельство тому — сегодняшние мормонские храмы (никто в наши дни так вдохновенно и активно не строит культовые сооружения, как адепты Церкви Иисуса Христа Святых последних дней). Эти табернакли (от латинского: *tabernaculum* — «шатер»), ставшие апофеозом современного храмового зодчества, стали духовным воплощением в камне и достойно продолжили архитектурные традиции, присущие как христианству, так — в определенной степени — и иудаизму. А значит — авраамизму в самом библейском смысле этого термина.

«Создайте дом Божий, — призывает Джозеф Смит в священной книге “Учение и заветы”. — Великая работа последних дней включает в себя построение храмов». О мормонстве справедливо говорят, что в нем существует настоящий культ храма, культ храмостроительства. На практике это так и не так. Безусловно, культ храма, его культура очень важны для понятия сути Веры. Но не менее значимы и сами люди, стремящиеся к Богу. Паства, руководители Церкви... Те, которые пришли молиться, приобщиться к таинствам, ибо молитвами своими люди и сотворили этот величественный Божий дом. Те, которые пришли служить Богу, стараясь таким образом хоть немного, хотя бы на шаг, приблизиться к Нему. Они стремятся к совершенству, но, душевно

прикоснувшиеся к Богу, они знают, что только Он один является образцом совершенства и любви. Любви безбрежной, абсолютно космической. И храм — это самый короткий путь от нашего земного дома к божественному космосу, к вечности. Как верно сказал известный британский архитектор Норман Куинси, зарубежный почетный член Российской академии художеств: главная задача сакральной архитектуры — сделать «прозрачной границу между духом и материей, телом и душой».

...У каждого времени — свои храмы. Не так давно я услышал подобное суждение. На мой взгляд, оно не «работает» на все сто процентов. Конечно, храмы это своеобразные остовы общества, его, если хотите, духовные скрепы и несущие конструкции: святилища отмечают и отражают перемены в нашем сознании, наконец. Но для всех этих культовых сооружений в разных частях земного мира характерно нечто общее: люди всегда и всюду запечатлевали в храмах самих себя, фиксировали ощущение человеком времени и себя самого в нем. Лаконично и глубоко сказал об этом Святой Павел: «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят, а этот храм — вы».

Этот образ продолжает и митрополит Антоний Сурожский, некогда возглавлявший Патриарший экзархат Западной Европы. Он, сын белых эмигрантов, ставший епископом Русской православной церкви, говоря о душе человека и о его теле, вмещающих Божие присутствие, вспоминает слова Святого Симеона Нового Богослова, сказанные тысячу лет назад. Тот, исходя из своего опыта, свидетельствует, что Бог открывается человеку и становится видимым не в будущей жизни, а уже на земле.

Притча такова:

Старец, пришедший в свою убогую келью после причащения Святых Тайн, садится на скамью, которая служит ему и жесткой кроватью, и единственным сидением. Смотрит на желтую кожу своих худых рук, похожих на скрученные виноградные корни, на свое уставшее тело и говорит сам себе: «Как страшно: эти обветшалые руки, это ветшающее и умирающее тело — это тело Самого Христа... И эта убогая келья... Через мое телесное присут-

стве, потому что я причащен Святых Тайн, обитает вся полнота Божества телесно».

«Вот это первый образ, который приходит мне на ум, когда я слышу слово “Церковь”», — заключает одну из своих публичных бесед, ставших в православии хрестоматийными, митрополит Антоний Сурожский. И продолжает:

«Самое слово “Церковь” происходит от греческого “кириакон” — Дом Божий, Дом Господень. Это не только здание, состоящее из камня или кирпича; этот дом состоит из живых камней, о которых говорит Ерм (“Пастырь”, написанный во втором столетии Ермом, или Гермом, является одним из наиболее почитаемых писаний Святых Отцов. — *К. П.*) в первом своем Видении. Ему было представлено, как ангелы Божии строят Церковь, которая является одновременно и градом человеческим, и градом Божиим. Он достаточно глубок, достаточно духовно пространен, достаточно свят, чтобы первый Гражданин этого вечного града был Господь и Бог наш Иисус Христос. Сын Божий, ставший сыном человеческим. Но, когда мы говорим о Церкви как о доме Божием в контексте нашей жизни, трагического опыта жизни падшего мира, может быть, стоит подумать о том, что в этом мире, который Богом был создан и оказался предан человеческим отпадением от Бога, Бог не имеет, “где главу преклонить” (Мф. 8:20; Лк. 9:58). Он бездомен. В книге Откровения говорится: “Я стою у двери и стучу” (Откр. 3:20). Эта дверь — человеческое сердце, человеческий разум, человеческая воля, человеческая жизнь; и Бог стучится, ища приюта».

Ежеминутно, ежедневно человек обязан обрабатывать грубый камень, в форме которого представляется его душа. Это не просто образ, не только фигура речи, а сущность как христианской веры, так и христианского храмового строительства. Не случайно в альбоме пикардийского зодчего XIII века Виллара де Оннекура — уникальном графическом памятнике эпохи готики — есть среди многочисленных чертежей и рисунков на пергаменте и схема собора, четко уложенная в контуры человеческого тела. При этом мастер писал, что в его книге, связавшей число и черчение с природой, «содержится немало ценных

советов по искусству каменной кладки...» Как же! Ноги по колению — место оглашенных у входа, туловище — основная часть храма для верующих, руки — как боковые пределы-часовни, плечи — перекрытие сводов плюс еще округлость апсид придавала схожесть алтарной части с головой...

Достаточно зримая ассоциация, которую можно продолжить. Великий византийский богослов Василий Кесарийский, живший в IV веке, в своих «Беседах на шестоднев», ставших глобальными для дальнейшего развития христианской богословской мысли, приравнивал понятие «храм» к понятию «мир». Архиепископ Кесарии Каппадокийской Василий, неспроста прозванный современниками Великим, называл мир «храминой Божиего создания», а храм — «Божиим миром». Он уточнял, что, как и всякое творение Бога, тело человеке также подобно храму: оно — оболочка, несущая в себе величие бессмертной души. И каждая деталь этого мира, всякая мелочь имеет свое место и значение, наполняется сокровенным смыслом, составляет часть совершенного вселенского организма. Организма, гармонично построенного и просчитанного до мельчайшей пылинки.

Макрокосмос Божественной Вселенной и микрокосмос индивидуума, сотворенного «по образу и подобию Божию». Потрясающая гармония человека, Святого храма и Священного начала! Божественная геометрия, утверждающая начала истинного творчества. Делаящего высокое доступным, а земное — небесным: храм — земное небо, где пребывает Бог... Разве не утверждал Афанасий Александрийский, вошедший в историю богословия как Великий, — один из крупнейших философов раннего христианства: «Бог стал Человеком, чтобы Человек стал Богом»? И символ этого осмоса, этого магистрального единства — Храм, Дом Божий.

Он — центр нашей духовной жизни, место нашего духовного рождения и преображения. Он — отражение нашего, казалось бы, многострадального, а на самом деле столь жизнеутверждающего Я. Такое очеловечивание всего вокруг — и предметов, и строений, и животных — издавна свойственно людям. Это, кстати, тоже часть земного чуда под названием Жизнь.

И не имеют значения размеры храма и пышность его отделки. Мне рассказывали историю, как в 30-е годы прошлого века в единственную тогда церковь Московского патриархата во Франции, что на улице Петель в Пятнадцатом округе Парижа — Храм Трех Святителей, — приехал митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский). Прекрасно помню этот скромный, когда-то переделанный из подвала велосипедной фабрики храм, где я неоднократно бывал на службах: стоило собраться тут десятку-второму прихожан — и уже не оставалось пространства, чтобы вдохнуть полной грудью!..

Так вот, когда владыка Елевферий вошел в храм и застыл у царских врат, его мантия осталась едва ли не на уличной брусчатке, застряла в узких дверях. Священник Трехсвятительского подворья, растерявшийся из-за такого казуса, уничижительно принялся извиняться перед митрополитом и благодарить его, кланяясь, за приезд в столь незначительный, непредставительный храм. Владыка Елевферий, человек на редкость простой и доступный, сын сельского псаломщика, остановил чересчур скромного батюшку: «Никогда не говорите о незначительности храма Божия. В храме обитает полнота Божества, ваш храм шире небес».

Так давайте, возводя помыслы человека к Божественной жизни — и в этом состоит предназначение Дома Божия, — постараемся воссоздать как можно подробнее «биографию» храма. Не какого-либо конкретного, привязанного к «гению места», а храма как феномена Жизни и Истории, храма — вообще. Ведь каждый из них наряду со Священным Писанием — откровение Бога. Но мы, не забывая о мире небесном, расскажем о храме, словно о человеке. Сделаем это хотя бы для того, чтобы лучше понять самих себя (что, согласитесь, бывает труднее, чем осознать смысл Вселенной). Чтобы деяния наших далеких пращуров и нас, грешных, тщательнее осмыслить. Как там говорится в земной канцелярии? *Curriculum vitae*, кажется? В переводе с латинского — «ход жизни».

Рождение, детство, отрочество, юность, молодость, зрелый возраст... Итак, «биография» Дома Божиего. С одной стороны,

все — как у людей. С другой — о божественном судим мерками смертных... Других мерил у нас все равно нет. Главное: получается летопись обыкновенного чуда на протяжении тысячелетий. «Жизнь длинна, если она насыщена», — утверждал древнеримский философ-стоик Сенека. Жизнь храмов и длинна, и насыщена. Ибо это есть — по большому счету — наша с вами жизнь. А она, как учит Книга Мормона, есть не что иное, как «время для того, чтобы люди приготовились к встрече с Богом» (Алма 34:32).

И она непременно состоится, эта встреча, если человек прикоснулся к учению восстановленного Евангелия и проникся им. Ибо только оно возрождает в сегодняшнем мире истинное библейское отношение к храму и к Вере вообще. Любая религиозная культура — в значительной степени — определяется степенью сакральности ее храмовой практики. Для мормонов храм — это... Впрочем, продолжать дальше не буду. Сразу всего и не скажешь. Тем более что в нашем обществе еще не исчезли попытки очернить мормонскую храмовую практику. Поводов для ожесточенной критики «доброжелатели» находят тьму. Это и церковная дисциплина допуска в храм, и запрет на посещение храма немормонами после его освящения, и целый ряд ограничений, существующих, кстати, как у членов Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, так и у адептов иных культов и верований... Вспомним апостола Петра, который учил, что в храм входят только истинно верующие — «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел» (1 Петр 2:9). Все верно: чтобы воспринять благодать, надо быть совершенно готовым к этому.

И тем не менее: «тоталитаризм» — навешивают ярлык на мормонский модус вивенди так называемые «антимормоны». «Не отвечай глупому по глупости его, чтоб и тебе не сделаться подобным ему», — поучал царь Соломон. Прислушаемся к этому мудрецу всех времен! Ибо практически все, что сегодня вменяют в вину мормонам критики их доктрины, уже давным-давно было введено в жизнь многими поколениями верующих и служителей Веры в разных ипостасях, в самых разных уголках Земли: а то, что проверено делами, глупо подвергать сомнению. Мы не знаем толком, каков истинный возраст нашей планеты, зато знаем, что

за тысячелетия ее существования высокий статус Дома Божиего был отработан людьми верующими — как говаривали наши предки — «на ять».

«Когда мы пришли вместе с сопровождавшими меня братьями в этот святой храм, мы испытали священный трепет радости, торжества и благоговения, — говорил о чувствах, которые он испытал при посещении храма в Сент-Джордже — первого храма, построенного мормонами на земле Юты, Джон Тейлор, президент Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в 80-е годы XIX столетия. — Переступив освященный порог храма, мы почувствовали, что находимся на святой земле, и, как те древние люди, могли свидетельствовать, что “это не что иное, как дом Божий, это врата небесные” (Бытие 28:17). И это не просто метафора, это действительно так...»

Да-да, именно так: «священный трепет»! Однако для подобного пронзительного ощущения от человека требуются не только специальный настрой души, но и определенное образование. Знания для этого насущно необходимы... Не буду повторять вслед за средневековым французским философом Пьером Абеляром: «Надо понимать, чтобы верить». Лучше сказать: надо просто знать. Существует призвание делать, есть и призвание верить, и призвание понимать... Без большой разницы — в нашем контексте! Ибо все, что понято, уже хорошо.

«Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь», — утверждает американский философ Джордж Сантана. История храма, Дома Божиего, формировалась в разных веках, одновременно менялось и отношение людей к нему. Тот калейдоскоп фактов, имен, стран, событий, явлений и комментариев к ним, который я предложу вам, позволит — хочется верить — составить из этой пестрой мозаики многогранное представление о летописи Дома Божиего. От частного — к целому! Снизу вверх — не по «лестнице Иаковлевой» (обратите внимание на церковное слово «лестница»: в нем звучит и «лестница», и «листва», и «лес», о символе «мирового дерева» мы еще поговорим не раз), соединяющей Землю и Небо, а по шкале времен! По камушку, по кирпичику — в святой монолит!.. И тогда можно будет понять,

как в разных цивилизациях и культурах — от глубокой древности до наших дней — формировалось и менялось восприятие храма как одного из символов Веры.

А начиналось все и вся с камня — грубого и необъемного, вспухшего из-под земли, как диковинный циклопический плод, возвращенный человеком бронзового века... Ведь исполины Карнака и Стоунхенджа — это тоже храм. Правда, далекий от привычных для нас, традиционных архитектурно-культурных канонов, но — тем не менее — храм под открытым небом, святилище, место таинственной мольбы. Сокровенную тайну его еще предстоит расшифровать. Тогда мы сможем попытаться понять и сакральный феномен праельтов, египтян, ассирийцев, вавилонян...